

Верный конь / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Верный конь / рассказ ВЕРНЫЙ КОНЬ

Дарья почти двадцать лет прожила в Калабрии. Из этих двадцати лет сохранилось не так уж много – певучие нотки итальянского в рубленой русской речи да неистребимый желтоватый загар и россыпь веснушек на сухой коже плеч. Дарья выращивает на балконе базилик и пахнет он у неё на всю улицу.

Вообще же никогда не подумали бы Дашины родители, что она выйдет замуж. Была она на левую ногу хромой – следствие операции врожденного дефекта ноги, длинноносой и волосы у неё кудрявились войлочно – так, что даже не расчешешь. В личной жизни у лаборантки провинциального института культуры не ладилось совершенно, а появлявшиеся на горизонте пунктирными силуэтами молодые люди бывали молчаливо отвергнуты самой Дашей.

– Радовалась бы, с твоей хромотой, – укоряла её мать – пожилая учительница английского, которая, казалось, за годы нелюбимой работы за копейки настолько осатанела, что единственное, что у неё теперь получалось делать хорошо – это плевать ядом, – что на тебя вообще хоть кто-то смотрит. Оглянись вокруг! Чем тебе Миша Сафонов-то не мил? А Вася Анны-Петровнин? Между прочим, перспективный парень!

Дочь лишь безмолвно и утыкалась в книги. Она предпочитала молчать, если понимала, что не сможет переубедить собеседника. Мальчики – эти мальчики – совсем не интересовали её, а кто интересовал – она и сама не знала. Жизнь каталась полым прозрачным шаром из угла в угол – институт-дом, институт-дом, не сворачивая и не меняя привычной траектории. Девочки, с которыми она играла во дворе в раннем детстве, уже давно повыходили замуж и выгуливали в парке своих бледных дикарей-отпрысков, облаченных в драные штаны с пришитыми наскоро заплатками; мальчишки-одноклассники, что дразнили хромую Дашу Кобылой – фамилия у неё была Кобылянская – остепенились и

поменялись до неузнаваемости – и лишь сама Даша продолжала изо дня в день свой сизифов труд.

Однажды (ей было тогда двадцать семь) слёг отец. Он и так не блистал здоровьем – старый театральный художник по декорациям курил, казалось, каждую свободную минуту, а десять лет назад здоровье его окончательно оставило – ему всё сложнее было назвать то место на теле, которое бы не болело. За стеной их комнаты соседские студенты слушали рок-н-ролл, а Иван Григорьевич умирал. Умирал он долго и мучительно, но по старой привычке никому не докучать, беззвучно, а Даша, словно не желая мешать ему в этом сложном деле, сидела на кухне и смотрела стеклянными глазами в стену. Иногда в её руках оказывалась книга – чаще всего это был толстый медицинский справочник, у которого отсутствовала одна половина обложки, а корешок был так излохмачен, словно его грызла собака. Справочник неизменно открывался на тех страницах, где описывались венерические или женские болезни, а больше всего Даше были интересны «симптомы и течение».

– Чаю! – звала из общей комнаты мать. – Это означало, что для отца надо заварить ромашкового чаю. – Пошевеливайся, кобыла несчастная!

Мать вторила одноклассникам Даши, хотя в равной мере не любила. И их, и собственную дочь – но что поделать, если дочь – она – вот, твоя и какое ей дело до того, что тогда, много лет назад, сразу после Дашиного рождения у Любови Петровны, тогда – просто Любки, никто не захотел увидеть тяжелую депрессию. Дочь свою Любовь Петровна принять так и не смогла, а хромота лишь усиливала неприязнь – ковыляющая девочка не вызывала никакой жалости – даже наоборот, порой Любка думала о том, что дочка – её наказание – и с тем жила десятки лет...

С позднего детства прилепилось к Даше прозвище, произошедшее, как и у многих дразнимых детей, от фамилии – Кобыла, хотя меньше всего походила она на это животное. Ни статью, ни чертами лица, не напоминала она лошадь – скорее, взъерошеную ворону, но людская привычка – сложная вещь и имена закрепляются порой, не следуя никакой логике.

Вспомнить, хотя бы, инженерскую семью, которую во дворе все

звали «три толстяка» – и супруги, и их сын Лёнька, отличались крупным телосложением. Но спустя годы глава семьи болезненно исхудал, да и Лёнька вытянулся к шестнадцати и из пухлого мальчика стал высоким стройным парнем. За глаза их продолжали называть «трёмя толстяками» – и никуда нельзя было деть эту старую привычку.

Когда Иван Григорьевич умер, Даша испытала облегчение за него и заодно за себя – между ними никогда не было тёплых отношений. Она больше не сидела на кухне, теперь проводила вечера у телевизора и смотрела без разбора всё, что лилось с экрана – но ничему из этого она – по врожденной критичности ума – не верила.

Она не верила и людям, тяжело с ними сходилась и на работе не завела себе друзей или хотя бы знакомых. Так и каталась полым прозрачным шаром, вписанным в полый же прозрачный куб, будто постоянно пребывая в состоянии полусна с одеревеневшими чувствами и не проснувшимися инстинктами. Всё, что она переживала, она прятала глубоко внутри, не поверяя свои мысли даже бумаге – дотошная мать на раз могла найти её сокровенные записи. Мать довлела над ней и со временем придавила её своим негласным господством – она уже давно не пыталась выдать дочь замуж, а скорее насмеялась над её врожденным недостатком и замкнутым нравом.

Через пять лет после того, как рухнула страна, мать рухнула в прихожей – и больше уже не встала. Приехавший врач послушал пульс и спросил у серой женщины неопределенного возраста, зыбко стоявшей над телом, как колеблется на ветру воздушный шар, готовый каждую секунду улететь: «Ваша мать?» Она неопределённо кивнула.

Даша совсем вылупилась из скорлупы самозаточения в родительском доме лишь после похорон матери. В тот день ей исполнилось тридцать пять и в этот день она решила – ни с того, ни с сего – отправиться в первое в своей жизни путешествие. На следующее утро она купила в железнодорожной кассе билеты и взяла на работе отпуск – впервые за очень долгое время.

* * *

С Лучано она познакомилась на выставке в Петербурге. Его всегда спокойные глаза вдруг выхватили из толпы чрезмерно худой сутулый женский силуэт, голову, обёрнутую синтетическим платком в дешёвую сине-зеленую клетку. Увидел высокий светлый лоб и слегка оливковый оттенок кожи, родинку на правой щеке и соболиные брови... и тогда ему на память пришла растиражированная на миллионах открыток по всему миру Сикстинская Мадонна, так походила на неё незнакомка, но только была она без младенца. Было женщине на вид лет тридцать, а может и больше – кто их, русских, разберёт, но лицо было уникальным – как бы без возраста – застывшим в своей зрелости, но сохранившем ещё свежесть молодости.

Он, человек действия, подошел к ней и попытался заговорить, но отвечала она глухо и односложно – английский её был ужасен, а итальянским она не владела. Но невысокий турист с по-кошачьи мягким лицом и живой размашистой речью, вдруг заинтересовал её.

Сначала Даша не могла понять, что с ней творится – никогда не испытывала она подобного смущения от общения с мужчиной. На работе и в обычной жизни они оставляли её равнодушной. Этот странный итальянец – ему было лет сорок пять, не меньше, с подвижной мимикой и веселыми морщинками в углах глаз, запомнился ей и когда она выходила из музея, то пожалела, что не смогла немного больше поговорить с ним.

Они столкнулись вновь на платформе одной из станций петербургского метро. Лучано узнал свою Сикстинскую Мадонну и какая-то неведомая сила потянула его к ней. Даша читала названия станций, через которые следовал поезд. Вдруг кто-то тронул её за плечо. Она обернулась и увидела того итальянца – невысокого, лысого, с пронзительными светлыми глазами... Он был ниже её на полголовы.

– Добрый день, – сказал он медленно по-английски. – Музей... вы... помните?

– Да, конечно, – отозвалась Даша.

– Хотите выпить кофе? – спросил Лучано. Даша согласилась, и

они отправились в ближайшее кафе, так и не доехав до нужных им станций.

Их общение происходило на ломаном английском, а ещё жестами. Даша раздобыла блокнот и ручку, и они рисовали целые сценки, когда им не хватало слов. Так провели они еще шесть дней, а на седьмой Лучано проводил её на поезд, не забыв взять номер телефона и адрес – для писем.

С письмами вышло очень интересно – многочисленные первые были нарисованы в виде своеобразных комиксов – ведь другого языка общения они еще не нашли. Даша неплохо рисовала, но она давно уже не использовала эту свою способность. Лучано был успешным местным писателем, но теперь он не мог показать ей всю силу своего слова и поэтому старательно выводил не очень пропорциональных человечков и городские пейзажи – и улыбался. Эта странная туристка не покидала его мысли.

Так переписывались-перерисовывались они полгода, а затем в небольшой калабрийский город Реджо пришло письмо, написанное на простейшем итальянском. Он понял: Дарья начала учить его язык. И еще он понял, что тянуть дальше нет смысла. Каким-то неведомым чувством, инстинктом, он почувствовал еще тогда, во вторую их случайную встречу, что эта женщина будет с ним. И он заторопился, засобиравшись. Нарисовал новый комикс о своих сборах к ней... вложил в конверт...

Конечно же, Лучано пробовал учить русский язык, но дело не продвинулось далеко. Его вводили в ступор эти иероглифы – кириллические буквы, которые дразнили своим сходством с латиницей, но читались совсем иначе. Как он ни старался, дальше алфавита у него дело не пошло.

Когда он сошел с поезда в маленьком большом городе, стояло начало апреля и воздух был еще прохладным, а ветер – прозрачно-сладковатым и носил за собой запах очнувшейся от глубокого мёртво-мёрзлого обморока земли, талого снега и первой пробивающейся юрдивой зелени. Город ему показался головокружительным, огромным и пугающим. Женщина, которая встретила его на перроне – еще более близкой, чем в их прошлую, первую встречу. И всё же, пока что, непреодолимо далёкой. Она поприветствовала его по-итальянски. Надрываясь, о

чем-то спорили вокзальные голуби. Он, стараясь подбирать самые простые слова, поприветствовал её и сказал несколько фраз о погоде.

Даша запомнилась ему, всё-таки, несколько другой. Тогда, в Петербурге, в его воспоминаниях она выглядела старше, лицо было на самом деле не таким серьезным и скорбным, каким рисовалось оно ему по прошествии времени. Перед ним стояла немного старомодно одетая красивая молодая женщина с копной чёрных волос, вившихся мелкими кудрями и походившими от, видимо, частого расчесывания, на войлок; с прямым носом и ясными зелёными глазами. Лицо её было очень гармоничным, и он еще раз убедился в сходстве с рафаэлевой Мадонной. Интересно, подумал он, – ей уже когда-нибудь говорили об этом сходстве?

Даше никто ничего не говорил. И когда приехал этот странный новый знакомый, она даже не поверила в то, что это не шутка. Как она может вообще кого-либо заинтересовать? С такой-то внешностью, да еще и хромая... С участью старой девы она давно примирилась, хоть и не сидела больше в скорлупе родительского дома – так было привычно и удобно, так повелось...

А несколькими неделями позже всё пошло совсем по другим рельсам. Даша, окрыленная доселе неизвестным ей чувством, нашла жильцов в свою убогую промасленную матью и прокуренную отцом квартиру. Подготовила документы – для ускорения даже заплатили втридорога – и вышла замуж за Лучано. Так, невзначай, можно сказать, случайно, началась её новая жизнь.

Новой она, однако же, стала не только от брака с Лучано. Едва прожив свой первый месяц в Реджо и немного подтянув язык до какого-никакого бытового уровня (занималась она с приглашенной учительницей – украинкой Сашей, переехавшей в Италию много лет назад), она, по её подсказке, решила заниматься не только домом, но и посвящать немного времени своим увлечениям. У Даши не было увлечений в обозримой прошлой жизни – она только много читала, но сейчас читать ей совсем не хотелось. Она вспомнила, что в далёком детстве, класса до седьмого, она ходила в кружок рисования. И решила снова попробовать.

Сначала она попыталась нарисовать портрет по памяти, но вышло совсем не так, как она хотела. Потом пришла очередь

срисовывания с фотографии – портрет Лучано десятилетней давности удался и получился даже отдаленно похожим. Когда эти и еще несколько эскизов увидела Саша, она только руками всплеснула: «Дашенька, у вас есть талант! А красками вы тоже умеете?»

На следующий день были куплены самые дешевые акриловые краски, набор кистей и простеньких холстов – десяток. Неделю писала Даша портреты, пыталась нарисовать она и морские пейзажи, и дома... однажды днём, когда она работала над портретом, из библиотеки, где он работал над романом, неожиданно вернулся домой Лучано. Он еще не знал о новом увлечении Даши и с удивлением смотрел, как она задумчиво стояла у холста, какое отрешенное выражение было у её лица, как вдруг подходила и то стремительно, а то медленно, поглаживая, делала мазки тут и там – и там, напротив неё, из лиловой глубины расцветало удивительной красотой чье-то лицо – с правильными пропорциями, с правильным построением перспектив – как будто Даша уже делала это раньше, как будто рука знала...

Тогда он подошел к ней, не утаивая своих шагов и спросил:

– Ты уже делала это раньше?

Ну конечно она это делала. В младшем школьном возрасте маленькая Даша ходила в кружок рисования, где любимая всеми, похожая на колдунью из сказки, преподавательница Нина Арсеньевна не только рассказывала о свете, цвете, перспективе, углах и планах, но и каждую субботу проводила занятие по истории искусств – для самых младших. Впрочем, приходили послушать не только малыши. На подоконнике дома Пионеров порой громоздилась целая армия подростков, которые и покурить за гаражами успевали, и на гитаре полабать, и послушать увлекательную лекцию об импрессионистах. Чего уж говорить о младшеклассниках, которые вокруг Нины Арсеньевны просто роились. Она привозила в своей продуктовой сумке-тележке разные энциклопедии, альбомы с репродукциями, а однажды на стол легли книги, привезенные её сестрой из Дрездена – там были и фотографии из королевской сокровищницы, и просто альбом, показывавший город, и целая небольшая плотная книжечка в фисташкового цвета переплёте, в которой почти все

репродукции были отпечатаны черно-белыми, а некоторые – избранные – были напечатаны по особой технологии и, как утверждал составитель, с полной точностью передавали цвета оригинала. Эти картины были прикреплены в книге тонкой легко отрывавшейся полоской бумаги. Их можно было отделить, вставить в рамку и повесить на стену.

Даша обожала все эти нарядные, похожие для неё на долгожданный десерт, книги Нины Арсеньевны. Та давала их ученикам и домой почитать – как будто заранее знала, что ей их вернут в том же состоянии, в котором и взяли. Книги Нины Арсеньевны хотелось обернуть в обложку, защитить... ни разу ни одна книга не была испорчена.

Даша посещала эти занятия до седьмого класса, участвовала в конкурсах, даже занимала призовые места по городу, но кто судит эти детские картины? Кто говорит, что вот эта картина – хорошая, а эта – не очень? Дома на увлечение дочки никто не обращал внимание. Да, отец работал театральным художником, но дашины успехи его совершенно не интересовали. Мать снисходительно давала деньги на краски и альбомы – но и только. Девочка жила в своем довольно замкнутом мире, в котором всего и радостей было – чтение и рисование. Когда от неё ушла одна из них, она как будто застыла, одеревенела.

В холодном предрассветно-чёрном феврале ушло рисование. Точнее – Нина Арсеньевна. О том, что её зарезали какие-то пьяные возле дома, когда она вышла за спичками, Даша узнала только через три дня после случившегося. Одноклассницы обсуждали это событие на перемене. Одна из них даже видела, как по квартирам её дома ходила милиция и кого-то опрашивала – эта девочка жила рядом с местом убийства.

У Даши как будто выдернули землю из-под ног, и она повисла в странной непривычной невесомости с вопросом «А как же...?»

Виновных, впрочем, вскоре нашли, а дело закрыли, но замечательной Нины Арсеньевны больше не было и рисования – тоже. Осталась у Даши на память о ней только взятая книга – альбом с работами русских художников начала XX века. Возвращать её было некому, дети Нины Арсеньевны жили где-то далеко и искусством явно не интересовались.

И всё. С тех пор она ни одного раза не прикоснулась к кистям и краскам – будто дала себе какое-то обещание. И только с удвоенной скоростью глотала и глотала книги, иногда принося из библиотеки самое немыслимое – то литературу об индейцах, то полное собрание Пушкина или то, что обычно читают из-под палки – «Войну и мир». Как будто в этом был её воздух или её доступное обезболивающее, а без чтения вдруг становилось страшно и больно – и безвыходно пусто, будто в бесконечном тоннеле.

И вот теперь Лучано, ничего не знавший об этой истории, вырос у неё за спиной и смотрел, как уверенно и со знанием дела творит его странная спутница. А она... она просыпалась. Просыпалась от векового сна, выпутывалась из пыльного кокона своей старой жизни.

– Дарья, – сказал он ей, – Я и не знал, что ты так можешь! Ты уже делала это раньше?

Она мотнула головой и, смутившись, покраснела.

– Нет... – сказала она. – То есть, да... понимаешь...

Ей было сложно объяснить, что она никогда не рисовала по правилам, она видела только цвет и форму – и не хотела знать правил.

– Покажи мне, что ты уже нарисовала до этой картины, – попросил Лучано. И она показала одну из прошлых картин: на сером фоне – серой была кирпичная кладка – старенький балкон с перегородкой из линялой оранжево-рыжей волнистой пластмассы. На перила балкона прицеплены прямоугольные деревянные горшки для растений, а в них – буйными, огромными листьями – итальянское разнотравье. На заднем плане – хозяйка всего этого – бойкая старушка с выразительными карими глазами и тёмно-каштановыми волосами.

Лучано посмотрел на эту картину, покивал и повесил её в гостиной.

* * *

И затем еще много лет необычные картины, написанные совершенно не по правилам – и именно поэтому такие узнаваемые,

сопровождённые текстами, написанными известным писателем Лучано Джузеппе Новелло кочевали по галереям сначала Италии, а затем, немного позже – с переводами – Европы. Они работали в паре: она писала – он рисовал словами сюжет, проводил линию, расставлял акценты – и если бы в этом союзе был третий, то этот третий бы писал подходящую к картинам и текстам музыку. Но третьего не было дано. И они не жалели об этом.

Лучано и Дарья даже выпустили книгу – альбом с репродукциями и текстами. Но это было много позже, уже ближе к закату небольшой хрупкой империи. Книга так напоминала те празднично-блестящие, обёрнутые глянцевыми супер-обложками альбомы Нины Арсеньевны, что Даша даже однажды прослезилась. Если бы покойная учительница рисования только знала, каких высот достигнет её наименее талантливая ученица, нескладная хромоногая Даша – она бы не поверила... хотя нет, конечно, поверила бы – она верила в талант в каждом – у каждого человека есть свой талант, – твердила она, – его только необходимо найти и раскрыть. И маленькие художники за огромными перепачканными краской мольбертами недоумевали: «Как, что и у тётъ Люси талант? У уборщицы?» «Конечно, – сияла Нина Арсеньевна, – вы хоть раз пробовали, какие она печёт пирожки с капустой? Такие готовить умеет далеко не каждый, тут талант нужен!» И тут каждый начинал вспоминать о талантах – своих и чужих, и пёстрое общество ненадолго замолкало – лишь изредка булькала вода, в которой мыли кисти...

Кстати, никогда не замечал Лучано хромоты своей возлюбленной, ему было совсем не до этого. А она замечала, что с годами ему становилось всё тяжелей дышать – даже на короткие расстояния ходить стало трудно, и она почти что таскала его на себе.

-Ты мой верный конь, – кашляя, смеялся муж, когда она по привычке в который раз вела его, давая опираться на себя, – ты мой самый верный конь...

Они называли друг друга невыносимыми прозвищами, но никогда он не позволил себе сказать ей грубое слово.

-Ты мой верный конь, – это звучало нежнее зоологически-родственной «кобылы», которой называли её в той, прошлой жизни.

А потом всё очень быстро полетело к концу: врачи оказались бессильны перед последней стадией рака и Лучано быстро слёг – слёг и уже не вставал. Газеты писали о его болезни, из разных городов Италии приходили письма и посылки от почитателей его таланта. Приезжала толстая племянница Пиа – хозяйка гостиницы в Венеции и долго сидела у постели Лучано, роняя на белый пододеяльник слёзы вперемешку с тушью. Под самый конец приехал брат. Он уже давно проживал за океаном и прилететь раньше не мог. И еще какие-то друзья, какие-то дальние родственники... Они смотрели на его похудевшее от болезни тело, заглядывали в усталые глаза и делали вид, что всё хорошо. Все они просто играли – потому что не знали, как надо вести себя. Пытались ободрить, строили планы – а Даша, сидя в той же палате (она уже к тому моменту свободно изъяснялась по-итальянски) понимала, что все эти слова – шелуха, и что придет скоро этот неожиданный день, и кровать, у которой все эти люди сидят в замешательстве и рассказывая чепуху, опустеет.

И так и случилось.

В один из предрассветных часов она вдруг проснулась от того, что кто-то бережно трогал её щеку. Лучано! Он как будто стал выше ростом, он стоял над ней и улыбался.

– Я хочу тебе кое-что передать перед тем, как уйду, – сказал он своим обычным, не сиплым, как было во время болезни, голосом, – долгое лежание в постели было мне скучно – ты знаешь, и я все это время писал. Я писал историю. Она – о тебе, о нас. Рукопись ты найдёшь завтра утром в тумбочке среди моих вещей. А сейчас спи. И прощай, мой верный, мой любимый конь...

Он поцеловал Дашу в лоб и от этого прикосновения она заснула. Ей снился сон, в котором голос покойного Лучано с присущей ему кошачьей мягкостью рассказывал по-итальянски:

«Дарья почти двадцать лет прожила в Калабрии. Из этих двадцати лет сохранилось не так уж много – певучие нотки итальянского в рубленой русской речи да неистребимый желтоватый загар и россыпь веснушек на сухой коже плеч. Дарья выращивает на балконе базилик и пахнет он у неё на всю улицу. Каждый год в марте она отправляется на два месяца туда, где похоронен её

муж – маленький лысый Лучано, на могиле которого написано то, что он при жизни разобрать никак не мог – «До свидания». Покойный писатель, хоть и был способным к языкам, всё никак не мог выучить кириллические буквы расслабленной и в то же время напористой речи своей музы – Дарьи. Да, по правде говоря, и не старался...»

Об авторе: ИРИНА БАТАЛЬСКАЯ

Поэтесса, прозаик, художница. Родилась в Харькове, сейчас живёт в Германии. Преподаёт русский, немецкий и украинский языки. Окончила Universität Leipzig и JGU Mainz по специальности «славистика». Публикации в литературном журнале «Берлин. Берега», статьи в русскоязычной прессе Германии; шорт-лист конкурса «Зримое слово» в номинации «Поэзия» в 2019 году. Некауалар